

Александр Власов: а судьи кто?

3 октября 2023, 14:23 Владимир Филичкин

На фото Александр Власов

Продолжение.

Начало [здесь](#)

В России существует восемь видов мер пресечения: от подписки о невыезде до заключения под стражу. Чем менее тяжкое преступление инкриминируется обвиняемому, тем

больше у него шансов получить меру, которая не будет связана с лишением свободы. Закон предусматривает, что если наказание по вменяемому составу не превышает трех лет лишения свободы, то под стражу фигуранта такого дела стоит отправлять только в исключительных случаях. Тем не менее следователи обычно стараются заключить обвиняемых до суда именно в следственный изолятор. Обсуждаем данную проблему с профессором Российской академии естествознания, директором научно-исследовательского института судебных экспертиз Александром Власовым:

— Александр Юрьевич, вот эта система сенсорной депривации, связанная с помещением подследственного в СИЗО, это ведь страшная штука, когда человек изолирован и не получает никакой объективной информации извне.

— Это, конечно, крайне драматичная вещь, Владимир Васильевич, когда люди годами сидят до вынесения приговора. Причем суд-то здесь попадает тоже в нелепую ситуацию: если уже несколько лет отсидел на предварительном следствии, то полностью его оправдывать некорректно. Это же сопряжено будет с требованиями о компенсации, материальной в том числе. И это абсолютно не поощряется, не одобряется, что вполне естественно и предсказуемо, вышестоящими структурами...

Что за суд без страдания?

— А я имел в виду немножко другое: что человек в условиях сенсорной депривации ломается, возникают психические расстройства, и ему легче внушать идеи, мол, признавайся...

— Безусловно, этот аргумент тоже играет очень большую роль. Сам принцип. Судью, между прочим,

тоже можно понять: вот, например, когда подсудимый приходит в суд и начинает отрицать свою виновность, хотя он ее признавал до этого, и это документально зафиксировано в материалах дела на этапе предварительного следствия, конечно, у судьи, как и у любого человека, появляется скептическое отношение к этому.

— Что это? Такая форма защиты?

— Да, конечно, это он так реализует свои способы защиты, пытаясь уйти от наказания, хотя он содеянное добросовестно признавал на этапе предварительного следствия. Такая вот ситуация собственно и приводит к тому, чем наши судебные органы гордятся — отсутствию оправдательных приговоров, ставят это в заслугу исключительно предварительному следствию.

— По вашему мнению, много ли в местах лишения свободы людей, скажем корректно, политкорректно, с относительно сомнительной виной?

— Я вам скажу, что по моим оценкам многолетним процентов 30, наверное, осуждено людей, которые ни сном, ни духом вообще не знают о том, что они совершили это преступление. Но в силу целого ряда обстоятельств, о которых я уже говорил... Это попытка хоть как-то скостить срок наказания, пойдя на сделку со следствием: они в нем признались, в этом преступлении, и формально суд здесь находится в безвыходной ситуации, ведь как его не осудить, если он уже признался? Вот приблизительно, по моим подсчетам, статистика выглядит именно таким образом.

— Простейший пример: ловят человека на квартирной краже, тут же «квартирники», специализирующиеся на раскрытии таких преступлений, на него «салятся» и стараются привязать его к другим кражам, чтобы снять «висяки», и уменьшить процент нераскрытых преступлений.

— Конечно, у них есть такая мотивация. Это очень соблазнительно: уже есть один субъект, и что-то похожее где-то уже встречалось. На самом деле, есть в этом разумное звено, если...

Консилиум в научно-исследовательском институте судебных экспертиз «СТЭЛС»

Теперь ты в руках правосудия...

— И он потом по рублю в месяц возмещает всем потерпевшим причиненный ущерб из мест лишения свободы.

— Другое дело, что трудно здесь удержаться от какого-то злоупотребления, поскольку ведь они те же реальные, конкретные, персонажи, которые реализуют эти следственные функции, у них есть множество другой мотивации. И в том числе, в какой-то мере и корыстная мотивация. За нераскрытое преступление, естественно, никто не похвалит — это в самом лучшем случае. А за раскрытое преступление они будут вознаграждены и путем присвоения внеочередного звания, и из премиального фонда, и имидж и авторитет этого следователя тоже порой стремительно возрастает.

— Здесь еще надо сказать, что не только про нераскрытые преступления, но и про не расследованные или недостаточно хорошо, плохо расследованные. У следователя появляется интерес все на бумаге оформить так, чтобы комар носа не подточил.

— Это формальная сторона дела, а я-то говорю о фактической стороне. Если на одну чашу весов

следователя положить благосостояние собственной семьи, жены, детей и так далее, какие-то материальные блага, а на другую чашу весов — какого-то незнакомого ему человека, который то ли преступник, то ли не преступник, то совершенно понятно, что у многих людей, необремененных альтруизмом и какой-то избыточной совестью, перевесит чаша собственных интересов. Это понятно и предсказуемо...

— Профессор, можно ли критиковать и обвинять отдельных следователей, судебных работников, если такова система?

— Система, если рассматривать ее с формальной точки зрения, в ее дословной редакции, она на самом деле сформирована правильно. И кстати говоря, она порой правильно реагирует на эти злоупотребления. Наверняка, многим, если не всем, известно, что сейчас вскрыто огромное число коррупционных преступлений в судебном сообществе в Ростовской области, Самарской области, где фактически значительная часть сообщества, возглавляемого в том числе председателем Областного суда, организовала по сути криминальное сообщество. Приговоры, особенно в части рассмотрения финансово-хозяйственной деятельности, выносились исключительно за взятки и исключительно с нарушениями всеми возможными. Это в основном касается гражданских дел, конечно. Но, на самом деле, если такая система существует, она не может не затрагивать и уголовные дела тоже.

— Так и у нас в Челябинской области президент страны же не продлил срок полномочий председателю суда Вяткину? Это тоже показатель.

— Это тоже показатель того, что на самом деле общий смысл системы, он вполне разумный. Другой вопрос, что он далеко не всегда правильно реализуется. Вот то же Ростовское судебное криминальное сообщество, ведь оно существовало много десятилетий. Оно не в раз возникло, не в течение месяца или года, когда объединились 32 судьи и начали выносить систематически неправосудные приговоры. Эта система формировалась десятилетиями. И есть у нее преемственность своя. Она из поколения в поколение продолжалась.

В ожидании Высшего суда

— **Александр Юрьевич, простите, система хорошая, но оправдательных приговоров практически нет, это что? Как вот это сопоставить? И вообще от чего все эти злоупотребления? Это неизбежно? Это природа человеческая? Или что?**

— Что значит «природа»?

— **Или может быть кадровый подход?**

— Тут очень много слагаемых. С одной стороны, это, конечно, кадровый подход, ведь у нас сейчас большинство судей — выходцы из секретарей судебного заседания.

— **Милые девушки...**

— И эта милая девушка пришла после школы в суд, устроилась секретарем судебного заседания...

— **И ей там понравилось...**

— ...заочно получила высшее юридическое образование, а научилась-то она там за все время сидения в приемной у судьи чему? Научилась нумеровать листы дела, научилась тому, что надо строго соблюдать все формальные функции, чтобы был своевременный ответ на какую-то жалобу. Это именно секретарская работа.

— **Ну, и, наверное, тому, что это храм небожителей на Земле, что там вершатся судьбы человеческие, что там сидят люди в мантиях, обличенные небывалой властью.**

— Это совершенно правильно, так оно и есть. И они тоже себя позиционируют нередко как небожителей. Но для того чтобы претендовать на эту категорию, недостаточно формального соблюдения таких правил, как, чтобы дело было правильно подшито, и все листы пронумерованы должным образом. Необходим жизненный опыт, необходима реальная какая-то работа над собой.

Продолжение следует.